

УДК 101.1
ББК 60.032.33

Д.М. Коломыц, А.П. Косарев

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ЗАПАДНОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Данная статья посвящена изучению особенностей развития некоторых направлений мировой прогностической мысли. Проведение общесовременных исследований в данном направлении является особенно актуальным в условиях современного глобализирующегося мира.

Ключевые слова: футурология, прогностика, социальное программирование, мегатенденции, глобализация, научная методология.

D.M. Kolomyts, A.P. Kosarev

POLITICAL GUIDING LINES OF THE WEST FUTUROLOGY

This paper is devoted to the study of the peculiarities of development of some orientations in the world prognostics thought. The performance of social science research in this direction is especially urgent under conditions of modern globalizing world.

Key words: futurology, prognostics, social programming, megatendencies, globalization, scientific methodology.

Проблема научного социального прогнозирования имеет почти двухсотлетнюю историю развития. Начавшись с позитивизма О. Конта и марксизма, прогностика прочно утвердилась как особая наука под термином «футурология», то есть наука о будущем. Этот термин впервые начал употреблять О. Флехтгайм, профессор политологии в институте им. Отто Зура при Свободном университете Западного Берлина. Футурология включает в себя социальные, политические, культурные, технические, научные и прочие направления. При расширении подходов ученые неизбежно выходят на социально-политические обобщения. Проблемами социального прогнозирования сегодня занимаются специальные национальные и международные организации. Среди них Гудзоновский институт, корпорации РЕНД и Ресурсы для будущего, Калифорнийский и Чикагский университеты (США), футурологические институты во Франции, Германии и другие клубы, футурологические организации.

Значение прогнозирования распространяется на все общественные отношения. Сегодня немислимо развитие каких-либо сфер человеческой жизнедеятельности без научно обоснованных предвидений. Как будет развиваться наука, каковы перспективы той или иной социальной политики, в каком направлении будут развиваться международные отношения — это вопросы государственного и мирового масштаба. Без научных прогнозов политика приобретает характер хаотично принимаемых решений с непредсказуемым результатом. Когда нет научного анализа, научный прогноз невозможен. Так, в новой России не состоялись прогнозы по росту инвестиций, прекращению оттока капиталов из России, повышению уровня жизни

населения и т.д. Каждый год прогнозы об уровне инфляции не соответствуют реально показанным. Хотя в данном случае скорее осуществляются пропагандистские акции, чем выдаются обоснованные заключения. Так обстоят дела с российской политической прогностикой. Но проблема гораздо глубже, чем ошибочность или верность предположений, сделанных с целью политической пропаганды и агитации.

Каждый человек примеряет на себя то будущее, которое ему предлагается. Каково ему будет в таком будущем. Удобно ли в нем будет жить, сможет ли он осуществить свои замыслы, быть там свободным в его современном понимании. Поэтому все футурологические работы, посвященные технической, научной или социальной составляющей жизни, неизбежно сопровождаются у авторов предсказанием последствий своего сценария для человека. Современная западная футурология пользуется большой популярностью в нашей стране. Многие положения, выдвигаемые известными западными исследователями, практически считаются аксиомами. Среди наиболее известных — понятия «информационное общество», «постиндустриальное общество», деление мира на «первый», «второй» и «третий», «цивилизованный мир» и т.д.

Один из видных американских футурологов Э. Тоффлер в книге «Метаморфозы власти» опирается на всепроникающее значение информации [5, 266-267]. Владение информацией означает власть. Информация приобретает у Тоффлера значение методологии. На основе информационной методологии считает несомненным дальнейшую концентрацию власти в руках США как обладателя наиболее прогрессивных информационных

технологий. Но при этом автор не обратил внимания на то, что обладание информацией всегда было синонимом власти начиная со времен шумерских жрецов, разведки Александра Македонского и до Второй мировой войны и современности. Тоффлер увидел в количественном увеличении объема накопления и обмена информацией качественный переход к новой системе властных отношений, при которой любой субъект, обладающий необходимой информацией, участвует в распределении властных полномочий. Тоффлер считает, что время больших игроков ушло вместе со способностью концентрации информации в руках небольших организаций и групп. Автор назвал это явление «мозаикой власти» [5, 267].

Однако в эпилоге этой своей книги тон его меняется. Он уже не говорит о расширении субъектности власти, ее сетевом и горизонтальном характере. Единственными властными центрами остаются у него только государства. То есть при переходе от внутриполитических проблем к геополитическим все встает на свои места. Также единственными действенными структурами остаются государства, чья сила строится на военной и экономической мощи и значительном влиянии идеологии в виде религии, а также международной преступности, прежде всего, наркоторговли [5, 515, 567]. В результате прогнозы футуролога оказываются просты и банальны: будущее определяется самыми могущественными странами – США, Японией и Западной Европой, где выделяется Германия; и альтернатива заключается лишь в том, какие союзы будут созданы этими тремя центрами силы. Э. Тоффлер видит в будущем новые войны: «Геоэкономика на фоне разворачивающегося вокруг нас насилия становится все менее и менее убедительной концепцией», и поэтому «конец промышленной цивилизации несет в себе угрозу роста числа войн нового типа» [7, 43-45].

Технические достижения Тоффлер считает наиболее важным компонентом жизни человека будущего. Он повторяет одиозные идеи о превращении человека в киборга – искусственного человека, сохранившем за собой в естественном состоянии только мозг [6, 228-238]. Надежды на будущее Тоффлер возлагает на рассредоточение образования. Модернизация образования становится у него главной целью. Он видит будущее образования в передаче принятия решения самим обучающимся, отказа от традиционного набора предметов и пересвода образования в режим погони за самым новым знанием при инструктировании школьников о том, «как учиться, как разучиться и как переучиться» [6, 450]. Он остается убежденным сторонником господства технологии над нашей жизнью.

Обоснование прав западной цивилизации у другого классика западной футурологии С. Хантингтона упрощено до предела. Он проповедует наступление западных ценностей и их по-

беду в силу их прогрессивности.

Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных, заменивших противостояние «холодной войны». Культура определяет модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта [11, 13, 15].

Хантингтон выдвигает идею столкновения цивилизаций, взяв в качестве примера США. Проблема идентичности, в его видении, бросает вызов американской национальной общности. Кредо Хантингтона определяется «патриотическим желанием отыскать смысл и добродетель в прошлом Америки и в ее потенциальном будущем». Методологическая позиция американского исследователя заключается в убеждении: все, что хорошо для Америки, хорошо и для всего мира, и весь мир рассматривается им через призму американских национальных интересов. Американцы еще ощущают настоятельную потребность «продвигать» в культуру других стран те идеалы, которым сами привержены [10, 132]. Но этот напор встречает все усиливающееся сопротивление со стороны этих стран. Более того, радикально настроенные исламистские движения повторяют агрессивные методы воздействия европейцев. Возрождение национализма сопровождается возрождением религии. Религия, оставаясь частью национального и цивилизационного мировоззрения, вновь обрела положение политической силы.

Обращение к религии стало обоснованием всей политики и в западной, и в исламской идеологической модели. В России снижение влияния социально-политических идеологий привело к идеологической пустоте. Тогда политическая власть обратилась к религии в надежде восстановить идеологическую однородность. Проблема сохранения культурной идентичности актуальна для всех цивилизаций современности. Еще более важным явлением стало воинственное продавливание наступающей западной цивилизации собственной системы ценностей. Но взаимосвязь современного мира оказалась парадоксальным образом на самом западном обществе. И Европа, и США оказались втянуты в культурное противостояние на своей территории. И там иммигранты ведут себя так же, как западная цивилизация ведет себя при проникновении в их страны. Такое положение экстраполируется в среднесрочное будущее и обростает там свободно излагаемыми догадками и предположениями. Конечно, эти проблемы окажут огромное влияние на ход мировой истории, но вот сама научность прогнозов от этого совсем не улучшается. Политические войны между диаспорами, вызванные желанием этих диаспор влиять на политику США, у Хантингтона считаются глобальным процессом и в «Проекте 2020» [2, 105, 415, 563-564]. И процесс диаспоризации США станет угрозой национальной идентичности, вплоть до латиноамериканизации южных штатов и Калифорнии [10, 347-402].

Хантингтон упрощает международные отношения. Так, ненависть со стороны мусульман вызвана страхом, завистью и враждебностью по отношению к американской нации. Хантингтон считает необходимым подчеркнуть важность террористической угрозы для обеспечения стабильного единства при низком уровне мобилизации ресурсов. А это экономически выгодно и политически целесообразно. За «войной цивилизаций» проявляется хорошо сконструированная напряженность. Она оказывается выгодна экономически ведущим странам. Он настаивает на сохранении за Америкой «национально-патриотической альтернативы» в противовес космополитической и имперской альтернативы [10, 563–572]. Не все благополучно в «американском королевстве», но Хантингтон настаивает на возможности внутривосполитического решения насущных проблем мирового масштаба. Так, проблемы США становятся проблемами всего мира.

Похожую позицию занимает в этом вопросе З. Бжезинский, который вместе с С. Хантингтоном считается автором современной концепции «войны цивилизаций». Проект будущего в видении Бжезинского, одного из «солистов» американизма, представляет собой программу для американских политиков. Для него важно убедить читателя в универсальности американских интересов. Если рассматривать свои интересы через призму американских, тогда любая страна получит то, что желает. Единственное условие – это подчинение стратегам США. Перед нами программа достижения ближайшего и среднесрочного будущего посредством имеющихся в наличии ресурсов.

Работа З. Бжезинского представляет собой сумму рекомендаций. Она имеет ярко выраженный характер рекомендаций для чтения ее основными геополитическими противниками. Сюжет выстраивается типично: сначала определяется ведущее место США и слабость ее противников и конкурентов, затем Бжезинский отпускает определенное количество комплиментов этим странам и раскрывает замечательные, по его мнению, перспективы, которые перед этими странами открываются, если они будут подчиняться американскому стратегическому руководству. По его утверждению, планы США обладают способностью выражать интересы всех стран, если последние признают необходимость американского руководства при претворении их в жизнь.

Россия оценивается как государство, которое не желает отказаться от имперского мышления. Он предлагает применять к России политику жесткого ограничения ее влияния на пространстве СНГ, особенно по отношению к Украине. США имеют особые права, которые со стороны других стран выглядят как опасные авантюры. Россия страдает «манией получить одинаковый с Америкой статус в мире» [1, 125, 132].

Главной задачей Бжезинский считает оторвать

от России Украину. В том, что Россия неизбежно будет восстанавливать империю, этот американский поляк не сомневается, и на этот случай у него есть лучшее лекарство – оставить Россию без Украины. «Империю без Украины будет, в конечном счете, означать, что Россия станет более «азиатским» и более далеким от Европы государством» [1, 137]. Для России наиболее приемлемым Бжезинский считает ее максимальное геостратегическое ослабление с сохранением за ней ограниченных функций в рамках трансевразийской безопасности. При этом США и здесь должны присутствовать в первых лицах: «Америка, Европа, Китай, Япония, конфедеративная Россия и Индия...» и другие страны [1, 247]. Таким образом, для России наиболее приемлемой формой существования должна стать конфедерация – самая слабая и неустойчивая форма государственности. Эту трансструктуру США пытаются после оккупации Афганистана, создав базы в Узбекистане и Киргизии и начав закрепляться в Казахстане, пытаться переориентировать его внешнюю политику в сторону Азербайджана и Турции. Но эта попытка пока для американцев оказалась unsuccessful. Базу в Узбекистане пришлось покинуть, Казахстан не изменил стратегической ориентации на Россию.

Бжезинский не строит далеко идущих прогнозов. Он составляет возможные комбинации политики ближайшего будущего. Стремление к мировому господству, как и у большинства американских футурологов, выступает практически в неприкрытом виде.

Такую же модель представляет Ф. Фукуяма. «Люди часто действуют вопреки собственным материальным интересам» [8, 252] – эта фраза Фукуямы выдает в нем теоретика, представляющего главным именно выгоды экономического интереса. В принципе это и называет он отличительной чертой человека как социального существа. Будущее человечества Фукуяма связывает с либеральными демократиями, которые «следуют принципу универсального признания» и поэтому «оказались необычайно устойчивыми на протяжении последних двух веков» в отличие от политического порядка, основанного на «сербской этнической идентичности или шиизме», который «никогда не перерастет границ какого-нибудь жалкого угла Балкан или Ближнего Востока» [8, 281]. И далее следует решающий заключительный вывод Ф. Фукуямы: «Поэтому мы можем ожидать долгосрочной прогрессивной эволюции человеческих политических институтов в направлении либеральной демократии» [8, 381].

Автор считает западный социальный капитал гораздо более ценной системой, чем такой же капитал, накопленный другими культурами. Поэтому в мире есть только одна достойная система ценностей – западный либерализм. Именно он отвечает линейному характеру исторического развития, адекватному технологическим успехам запад-

ной цивилизации. Софистичность данных утверждений очевидна. Только полное незнание истории читателем этой книги должно убедить его в обоснованности предложенных выводов. Но, видимо, на такого читателя и ориентирована книга, оболваненного западной пропагандой о превосходстве западной цивилизации. Сербь представлены националистически настроенными агрессорами, хотя все разрушение Югославии было спланировано и осуществлено основными империалистическими центрами. Югославия, подвергшаяся ударам НАТО, отвечала за свою строптивость во внешней политике.

Таким образом, утверждения Фукуямы не выдерживают никакой критики. Его прогноз носит явно политический характер. Он направлен на оправдание политики Запада по отношению к будущим жертвам, олицетворяющим национальную узость какого-нибудь «жалкого угла» любого региона мира. Явное неуважение к традициям, истории и к самому факту существования народов, имеющих отличные от Запада ценности, делает эти прогнозы опасной апологетикой будущей агрессивной политики.

Технократы, по Фукуяме, способны произвести в развивающейся стране «широкие перемены на благо общественной политики». Считая такие изменения поверхностными, он тем не менее отмечает государства, осуществившие, по его мнению, успешные реформы: Чили, Боливия, Аргентина, Мексика и др. Это именно те страны, которые в последнее время демонстрировали решительный поворот влево, к антиамериканизму и где сильны антикапиталистические настроения.

«Мы действительно нуждаемся в том, чтобы заботиться о потребности в силе. Только государства и одни государства способны объединить и целесообразно разместить силы обеспечения порядка... Построение национального государства – вид силового воздействия» [9, 145]. Он считает нацию и государство источником насилия. Одним тезисом Фукуяма превращает всех патриотов и сторонников национального суверенитета в националистов-реакционеров. Он не удовлетворен тем, что национальное государство снова обретает силу. Это противоречит всей идеологии глобализма. Значит, ставится задача встроить государство в концепцию глобализма. Поэтому одни страны должны установить порядок, а другие ему подчиниться. Системные вопросы Фукуяма предлагает решать администрированием, в которые входят в том числе и силовые акции [9, 12-81]. Фукуяма оперирует понятиями «уважение международного сообщества», имея в виду только страны Запада, «гуманитарная интервенция», под которую попадает любая агрессия, если она осуществляется со стороны НАТО.

Видение предмета со статуи Свободы типично для американских обществоведов. Если изменить угол зрения, многое выглядит или не совсем так,

или просто противоположным образом. Позиция американцев объясняется необходимостью защищать «национальные интересы» США в том виде, в каком их преподносит американцам собственная элита. Нанна задача увидеть эти проблемы объективно, оценить их подлинность и важность. Давление авторитета имен Фукуямы, Хантингтона и других на российское общественное сознание объясняется идеологическими задачами глобализированной новой российской элиты, которые видят в построениях этих аналитиков отражение собственных интересов.

Близки к вышеописанным концепции Д. Нейсбита и М. Леонарда [3, 4]. Отличие их в том, что последние обратились к выработке особых экономических законов, которые должны определять будущее.

Североамериканские аналитики отсчитывают начало существования информационного общества с 1956 г., когда «впервые в истории Америки количество «белых воротничков» на технических должностях, на постах менеджеров и клерков превысило количество «синих воротничков» – рабочих, и большинство американцев свое время посвящают созданию, обработке и распространению информации. На этом основании развивается концепция Д. Нейсбита: «В будущем не редакторы будут нам говорить, что читать, – мы сами будем говорить редакторам, что мы хотим прочесть» [4, 44]. За громкой фразой нет содержания. Ни наука, ни искусство, ни идеология не подчиняются желаниям идеального читателя Нейсбита. Но положение почти абсолютной свободы создают привлекательный облик будущего.

Далее он приводит слова Нойса, одного из основателей компании Intel и изобретателей интегральной микросхемы, что в полупроводниковой промышленности «всегда интенсивно использовался интеллект, а не капитал». Поэтому противопоставление интеллекта и капитала создает новый информационный уклад.

Новый источник силы – это не деньги в руках немногих, но информация в руках многих. Как информация становится силой, Нейсбит не разъясняет. «Нам необходимо выработать теорию прибавочной стоимости, создаваемой знанием, взамен устаревшей теории прибавочной стоимости, создаваемой трудом», считая несравнимыми производство автомобилей и микросхем [4, 28-30]. Невозможно представить, что знания создаются и передаются без труда. Поэтому нет никаких оснований менять трудовую теорию прибавочной стоимости. На сегодняшний день ясно, что такой теории нет, но задача создавать таковую поставлена. Автор отрицает наличие закономерностей в экономике. Совершенно очевидно, что только труд создает и автомобили, и микросхемы. Но отрицание единства производительных сил даст Нейсбиту возможность утверждать качественное отличие информационного общества от индустри-

ального. Отсюда возможность апологетики ценностей западного общества.

Программа Нейсбита призвана увековечить американское господство: «оставить позади индустриальные задачи прошлого и заняться великими предприятиями будущего» [4, 88].

Особый путь для Западной Европы в рамках западной модели предлагает Марк Леонард. Он считает, что будущее наиболее благоприятно складывается для Европейского Союза. Он обладает наиболее благоприятными экономическими перспективами, затрачивая не так много средств на вооружение. Гибкость его политики - в способности содержать в себе различные позиции. Постоянное переговорное взаимодействие сделает войны невыгодными. Для этого важнейшую роль должна сыграть Европа, продвигая свои интересы.

Леонард делает свои выводы, не обращая внимания на ложность установок. Он считает, что в Грузии и на Украине произошли, - не много ни мало, демократические революции [3, 157]. В Югославии позиция Европы позволила сербам развязать геноцид по отношению к другим народам, хотя уже даже гаагским судом признано, что никаких репрессий по отношению к несербам не было. Он выступает совершенным апологетом превентивных войн, если они совершаются в интересах ЕС. Например, целью присутствия европейских войск в Боснии стало «поставить ее на путь, ведущий... к ее вступлению в Европейский Союз» [3, 100].

Леонард считает, что все страны стремятся в Евросоюз. Тот, в свою очередь, не ограничивает суверенитет, но поддерживает его. Внутренняя противоречивость позиции не смущает теоретика. ЕС - «не просто еще одна страна, указывающая арабам или восточным европейцам, как им вести свои дела: это клуб...», который «может создавать стимулы для осуществления реформ, не проводя имперской политики» [3, 159]. Это клуб сильнейших государств, но только осуществляющий «гуманитарное вмешательство». Подобно Фукуяме Леонард считает такую агрессию необходимой. По сравнению с концепцией Хантингтона о разрастании войн сторонники «гуманитарного вмешательства» придают будущим войнам вид вынужденной необходимости.

Европа Евросоюза закрывается от всех, в том числе и от другой Европы, и открывает дорогу только тем, кто подчиняется ЕС как наднациональной организации. Это самое замечательное достижение этого союза, создающее замечательные перспективы его развития как мирового центра силы. Все, по мысли Леонарда, должно быть подчинено именно этой цели - превращению ЕС в ведущий центр силы. Только под защитой такой мощной организации любой член союза может «потребовать от России, Польши или Балканских стран принятия жестких мер». Вообще понятия «требовать», «усилить давление» [3, 138-145] и

т.д. часто используется автором. Это подтверждает определенную нами цель статьи - теоретически осмыслить задачи ЕС по отношению к национальным правительствам на ближайшее будущее. Он намеренно уходит от рассмотрения болезненных для Евросоюза вопросов - кризиса европейской интеграции, роста национализма и религиозной нетерпимости, переводя разговор на проблему бюрократизированности принятия решений [3, 149].

Автор занят обоснованием проводимой руководством ЕС политикой по его укреплению как мирового центра силы. Евроцентризм и сетевая подвижность есть основные преимущества ЕС [3, 150]. Он обходит экономические основы европолитики. Получается, что Евросоюз занят едва ли не благотворительностью по отношению к другим странам, а особенно к соседям.

Леонард далек от исторического понимания международных процессов. Создание международных организаций он объясняет «эффектом домино», созданном примером Евросоюза.

Леонард считает одним из основных средств укрепления союза присоединение новых стран. Это экстенсивный способ развития. Здесь видна очевидная слабость Евросоюза. Такой путь наименее эффективен, но логично вытекает из задач ЕС: Западной Европе нужны рынки сбыта с развитой инфраструктурой, образованным населением и культурно близкие к ним государства, которые становятся средством достижения целей ядра Евросоюза - его первоначальных членов. Так что проект Леонарда рассчитан на сохранение существующего геополитического положения в XXI в. Речь идет об упрочении позиций ЕС в системе «золотой миллиард - остальной мир».

Особенностями рассмотренных концепций самых именитых футурологов выступает опора на жестко определенные идеологические постулаты, подкрепленные определенными событиями, подтверждающими их важность. При всей неубедительности прогнозов одно остается без изменений. С этих событий начинают разворачиваться новые процессы. Очевидно, что они хорошо подготовлены и срежиссированы. После события начинаются войны и агрессии, осуществляются идеологические кульбиты и вбрасывание новых идей. Все эти прогнозы больше похожи на политические сценарии, чем на научные исследования.

Представление о том, что современное общество перешло от индустриального к информационному, стало уже общепринятым. Но переход от индустриального к информационному уровню представляет собой чисто количественный процесс. Количество «белых» воротничков превысило количество «синих», появляются новые способы передачи и хранения информации - компьютеры и Интернет, появляются сети денежных потоков, но все эти события, как мы видим, не меняют ничего по существу, ни внутри стран, ни в отношениях

между странами. Футурологи описывают надстроечные явления, выдавая их за базисные. Причины они меняют со следствиями.

Как видим, западные прогнозисты рассматривают будущее через призму ценностей, видения мира и интересов США. На основании этой суммы представлений создается особый способ постановки вопросов и ответов.

Так, З. Бжезинский занимается оперативно-тактическим прогнозированием в ближней и среднесрочной перспективе международных отношений. Определение узловых технологических точек укрепления позиций США и Европы на длительное время стало основной темой Ф. Фукуямы. Информационное общество рассматривается с точки зрения его возможности обеспечить контроль за информационными потоками для укрепления интересов США. С. Хантингтон озабочен проблемой того, как укрепить цивилизационную мощь США. Поэтому он обращает внимание только на те страны, которые могут представлять интерес для Америки или быть для нее опасны.

Описанные футурологические концепции западных авторов не опираются на научную методологию. Они выбирают яркие события, которые являются следствием более глубоких процессов, но не проясняют их причин. Погоня за формой и забвение содержания создают искаженную картину общественных процессов. Авторы избегают методологических оценок.

Исторические обоснования современной политики выглядят не менее слабо. Используя крайне тенденциозные объяснения исторических событий при таком же подборе самих событий, футурологи создают желательные для них конструкции будущего и успешно объясняют их идеологически.

Перед нами неверные и несбыточные прогнозы. Они могут состояться, но совершенно не по заявленным данными авторами причинам. Главное условие их осуществления обуславливается сохранением существующего миропорядка и военной силой, способной подавить всякое сопротивление этому порядку. Возникает другая проблема. Как объяснить, что необоснованный и ошибочный прогноз становится реальностью. Решение этого вопроса вводит нас в другое пространство футурологии – политико-технологическое прогнозирование и программирование. Это пространство предполагает наличие механизма достижения целей в политике, экономике, культуре и создание плотной завесы, скрывающей эти реальные шаги под видом других, предложенных обществу.

Широко распространенные в России переводные футурологические работы принадлежат в основном апологетам и пропагандистам глобализма. Подобный подбор переводной литературы говорит об очевидном политическом заказе. Давно уже в нашей литературе не встречается критики по существу. Складывается ощущение, что в общественном сознании присутствует боязнь методологической

критики потому, что она возможна, прежде всего, с позиций марксизма и антиглобализма и приведет к отрицанию прогрессивности основных заявленных мировых тенденций – глобализации экономики и культуры, информатизации и сетевому характеру нового общества и т.д.

В этих условиях важной задачей российской прогнозистики является сохранение научных основ прогнозистических исследований, в основе которых лежит опора на марксистскую и цивилизационную методологии.

Реальный исторический процесс в начале 20 столетия показывает, что возрастание роли народных масс и демократизация общественной жизни, консолидация антимилитаристских сил, возрастание свободы личности и повышение роли гуманистических ценностей остаются нашими важнейшими задачами, решение которых возможно, но неопределенно. Именно такие векторы социального развития можно вслед за футурологом Дж. Нэйсбитом назвать «мегатенденциями» нашей эпохи.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М.: Международные отношения, 2003. - 256 с.
2. Контуры мирового будущего. Доклад Национального разведывательного совета США / Россия и мир в 2020 году. - М.: Европа, 2005. - 224 с. - С. 3-166.
3. Леонард М. XXI - век Европы. - М.: АСТ, 2006. - 250 с.
4. Нейсбит Д. Мегатренды. - М.: Ермак, 2003. - 380 с.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. - М.: АСТ, 2003. - 669 с.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. - М.: АСТ, 2004. - 557 с.
7. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоенная. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. - М.: АСТ, 2005. - 412 с.
8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. - М.: АСТ, 2003. - 474 с.
9. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. - М.: АСТ, 2006. - 220 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. - М.: АСТ, 2004. - 635 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: АСТ, 2003. - 450 с.

Literature

1. Bzhezinskiy Z. Great chess-board. - M.: Mezhdunarodniye otnosheniya, 2003. - 256 p.
2. Outlines of world future: Report of National Observative soviet of USA / Russia and world in 2020. - M.: Evropa, 2005. 224 p. - P. 3-166.
3. Leonard M. XXI-Century of Europe. - M.: AST, 2006. - 250 p.
4. Heisbit D. Megatrends. - M.: Ermak, 2003. - 380 p.
5. Toffler E. Metamorphoses of Power. - M.: AST, 2004. - 557 p.
6. Toffler E. Shock of Future. - M.: AST, 2004. - 557 p.
7. Toffler E., Toffler H. War and antiwar. What is war and how to fight it? How to revive at the day-break of the XXI century. - M.: AST, 2005. - 412 p.
8. Fukuyama F. Great rupture. - M.: AST, 2003. - 474 p.
9. Fukuyama F. Strong State. Management and world order in the XXI century. - M.: AST, 2006. - 220 p.
10. Hungtington S. Who are we? Calls of American national identity. - M.: AST, 2006. - 635 p.
11. Hungtington S. Collision of Civilizations. - M.: AST, 2003. - 450 p.

Сведения об авторе

Коломыц Дмитрий Михайлович - кандидат политических наук, доцент кафедры философии.

Косарев Анатолий Петрович - доктор философских наук, профессор КГЭУ, зав. кафедрой философии.

Data on author

Kolomyts Dmitry Mihaylovich - candidate of political science, senior lecturer of philosophy department.

Kosarev Anatoly Petrovich - doctor of philosophy science, professor of KGEU, head of philosophy department.

УДК 951.93

ББК 63.3 (5)

Б.Р. Зориктуев

О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ ИМПЕРИИ

В статье исследуется малоразработанный вопрос о социально-политической организации монголов в XII в. Анализ выявленных признаков созданной Хабул-ханом политики, которую впоследствии возглавил Тэмуджин (Чингис-хан), показывает, что она в социополитическом плане представляла собой не государство, а вожжество.

Ключевые слова: монголы Трехречья, Хабул-хан, Тэмуджин, вожжество.

B.R. Zoriktuev

ABOUT SOCIAL-POLITICAL ORGANIZATION OF THE MONGOL SOCIETY ON THE EVE OF THE EMPIRE FORMATION

In the article the undeveloped problem on the social-political organization of the Mongols in the XII century is researched. The analysis of the signs of politia made by Khabul-Khan, later headed by Temudzhin (Chingis-Khan) shows on the socially-political background that it was not a state, but a chiefdom.

Key words: mongols of the three Rivers' region, Khabul-Khan, Temudzhin, chiefdom.

В начале XII в. завершилось формирование дарлекинско-нирунской группировки монголов, ставшей основой современного монгольского народа, которая в научной литературе более известна как объединение племен и родов Трехречья (истоков Онона, Керулена и Толы). В ряде работ утверждается, что основным племенем Трехречья было хамаг монгол, создавшее в начале XII в. государство Хамаг Монгол Улс. Здесь хотелось бы напомнить, что у монголов существовал только один этноним *монгол*, который возник в эпоху китайской династии Тан в местности Эргунэ-кун на правом берегу р. Эргунэ (Аргуни) и стал общим именем укrywшихся там предков монголов [1, 9-69]. Поэтому говорить о существовании племени, называвшемся *хамаг монгол*, не приходится. Чтобы не быть голословным, обратимся к фактам. В параграфе 52 «Сокровенного сказания» (в дальнейшем СС) говорится (транскрипция и перевод С.А.Козина): «Хамуу Mongγol-i Xabul-хаγан meden aba. Xabul- хаγан-no хoina, Xabul- хаγан -no üge-ber, doloγan köüd-iγen bögetele, Sengüm-Bilge-in köün, Ambaxai- хаγан хамуу Mongol-i meden aba» («Всеми Монголами ведал Хабул-хаγан. После Хабул-хаγана, имевшего семерых детей, всеми Монголами стал ведаť, по слову Хабул-хаγана, сын Сэнгүн-Бильгея, Амбагай-хаγан, хотя Хабул-хаγан имел собственных семь сыновей»). В параграфе 57 записано (транскрипция и перевод С.А.Козина): «Ambaxai-хаγан-no Xadaγan, Xutula хоγar-i nereidcū ilegseger, хамуу Mongγol Tayiцiud

Onan-no Horyonay-jubur хuriγaγu, Xutula-i хаγан bolγaba» («Так как Амбагай-хаγан в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуты, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаγаном Хутулу»).

Выражения *хамаг монгол* и *хамаг монгол-тайчиут* упоминаются только в этих двух процитированных отрывках СС. В других источниках их нет. Исследователи и переводчики СС слово *хамаг* считают нарицательным именем, не составлявшим с собственным именем *монгол* единого устойчивого термина. В XII в. слово *хамаг* имело то же значение, что и в современном монгольском языке – «весь, все», т.е. оно являлось местоимением, употреблявшимся в качестве одушевленного имени существительного в значении «в полном составе, без остатка», что мы и видим в приведенных текстах.

С.А. Козин и П. Пелльо выражение *хамаг монгол-тайчиут* понимали как «все монгол-тайчиуты», Э.Хэниш и И. де Рахевилц – как «все монголы и тайчиуты», т.е. как две независимые друг от друга этнические группы [2, 380]. Первая точка зрения безусловно верна, поскольку тайчиуты (в других источниках – тайджиуты) относились к числу нирунских родов и, следовательно, назывались монголами. Как правильно заметил Н.Ц.Мункуев, «этноним монгол... был общим наименованием многочисленных родов». Развивая этот тезис он имел полное право сказать, что